

Лиза Рене Джонс
Невинность и страсть
Серия «Наизнанку», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6889943
Невинность и страсть : [роман] / Лиза Рене Джонс: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079251-1

Аннотация

Сара Макмиллан, скромная учительница, внезапно получает пропуск в блестящий мир современного искусства.

Отныне у нее есть все – престижная работа в знаменитой художественной галерее, деньги, а главное, успех у мужчин, ведь за сердце Сары сражаются двое – известный художник Крис Мерит и сам хозяин галереи, миллионер Марк Комптон.

Оба они хороши собой и по-своему обаятельны, однако оба не только привлекают, но и отпугивают девушку своей настойчивостью и упорным, ревнивым вниманием.

Кого выберет Сара? Кто сумеет покорить ее, кто подарит любовь и счастье?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лиза Джонс

Невинность и страсть

Lisa Renee Jones
IF I WERE YOU

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© by Julie Patra Publishing, Inc., 2012
© Перевод. Т.А. Осина, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Среда, 7 марта 2012 года

«Опасный».

Несколько месяцев подряд по ночам в сладких и страшных снах мне мерещится, насколько точно он воплощает это слово. В окутанной туманом забытья параллельной реальности тревожит меня его терпкий мужественный запах, не дают покоя воспоминания о сильном, мускулистом теле. Волнует его сладкий и чувственный вкус – словно некто настойчиво предлагает попробовать кусочек молочного шоколада. И еще. Хорошо, что я забываю простую истину: за излишества приходится платить. Цена назначена. Цена существует всегда. В субботу вечером жизнь об этом напомнила. И теперь я точно знаю: что бы он ни говорил, что бы ни делал, я никогда и ни за что не встречусь с ним снова.

Все началось точно так же, как обычно начинаются наши с ним эротические приключения, – неожиданно, непредсказуемо. Трудно вспомнить, когда именно произошел сбой. Когда события приняли столь мрачный оборот.

Он приказал раздеться, сесть на кровать возле изголовья и широко раздвинуть ноги, чтобы было лучше видно. Обнаженная, незащищенная, я дрожала от желания. Еще ни разу в жизни ни один мужчина не командовал мной, и уж абсолютно точно я не собиралась ни перед кем дрожать. Но с ним получилось иначе.

Если субботний вечер что-то и доказал, то только то, что пока я с ним, во власти его чар, он вправе требовать любых, самых унижительных безумств, и я безропотно подчинюсь. Он способен довести до крайности, толкнуть на такие поступки, которые в обычном состоянии мне невозможно даже представить. Вот почему встречаться нам больше ни в коем случае нельзя. Рядом с ним я чувствую себя одержимой – но самое ужасное, что ощущение безумия мне нравится. Не могу объяснить, откуда оно берется, хотя мечтаю испытать снова. Знаю одно: как только в субботу я увидела его возле кровати – широкоплечего, мускулистого, с невероятной эрекцией, – то безвозвратно растворилась в вожделинии.

Выглядел он величественно. Честное слово, такого потрясающего мужчину я еще не встречала. Бешеная страсть вспыхнула мгновенно. Хотелось близости, его прикосновений. Хотелось прикоснуться самой. Но теперь я знаю, что нельзя трогать его без особого на то позволения. И даже нельзя умолять о снисхождении.

Прошлые встречи многому научили. Мольбы приносят ему слишком острое наслаждение и заставляют оттягивать мое удовлетворение до тех пор, пока я не начну трястись от нетерпения, пока не превращусь в безвольное, слезливое существо. Ему нравится властвовать, нравится испытывать превосходство. Мне следует его ненавидеть, но вместо этого все чаще кажется, что я его люблю.

Повязка на глазах должна была бы предупредить об опасности, подсказать, на какую скользкую тропинку ступаю. Сейчас я понимаю, что так оно и было. Он бросил шелковый шарф на постель как вызов, и сразу стало холодно. Казалось бы, одна лишь мысль о невозможности видеть, что происходит, должна возбуждать – и действительно возбуждала, но в то же время необъяснимо пугала. Да, я боялась, а потому меня одолевали сомнения.

Это ему не понравилось, о чем он сообщил глубоким бархатным баритоном, от звука которого я сразу начала беспомощно дрожать. Необходимость доставить ему удовольствие оказалась непреодолимой, и я послушно завязала глаза.

В награду тут же почувствовала, как под его весом промялся матрас. Он шел ко мне. А вскоре оказалось, что и я тоже иду к нему. Его ладони властно скользнули вверх по ногам. Пообещали, завлекли и... замерли возле самой цели.

Все, что случилось дальше, похоже на вихрь неясных ощущений. Он опрокинул меня на спину. Сейчас, еще несколько секунд... скоро он войдет в меня. Скоро я получу то, в чем так отчаянно нуждаюсь. Но нет, он отстранился, исчез.

Через мгновение послышался щелчок замка. Я импульсивно села и позвала его, мне было страшно остаться одной. Наверное, я что-то сделала не так, чем-то обидела его. Но нет, на живот легла теплая ладонь. Должно быть, щелчок лишь померещился. Да, конечно. Однако в воздухе возникло едва заметное напряжение – угроза, совсем для него не характерная. Впрочем, мысль об этом тут же сменилась ощущением счастья: он расположился между ног, сильным движением приподнял мои руки, завел за голову, согрел дыханием шеи. Тяжелое прекрасное мужское тело.

Шелковые путы приторочили запястья к прутьям кровати. Мне и в голову не пришло, что это сделал не он, а кто-то другой. Он оставался на мне и не смог бы дотянуться до ладоней. Зато в его власти оказались моя плоть и мой разум, а сама я превратилась в покорную жертву. Вот он снова отстранился, и я всхлипнула от внезапного одиночества. Опять настала тишина. Послышался легкий шелест ткани, потом раздались еще какие-то странные звуки. Медленно тянулись секунды. По коже безжалостно расплзался холод, а в животе, словно ядовитая змея, клубком свернулся ужас.

А потом наступил момент, который даже вспомнить страшно. К губам прикоснулось ледяное лезвие. И он пообещал, что боль принесет наслаждение. Лезвие скользнуло по коже, словно доказывая серьезность намерений. И тогда я поняла, что ошиблась. Он не опасен и даже не похож на шоколад. Он – смертельный наркотик. Внезапно стало казаться, что...»

Стук в дверь застаёт врасплох и заставляет прервать интригующее чтение. От неожиданности едва не бросаю дневник на пол. Виновато захлопываю тетрадь и кладу на кофейный столик – туда, где накануне ее оставила Элла Фергюсон, моя соседка и близкая подруга. Я вовсе не хотела читать чужие откровения. Просто... просто дневник почему-то оказался здесь, в моей комнате, на моем столе. Я рассеянно его открыла, невзначай взглянула на страницу и была до такой степени шокирована увиденным, что не поверила собственным глазам. Неужели вот это написала моя милая простушка Элла? Несколько секунд я помедлила, но, несмотря на угрызения совести, все-таки продолжила чтение. Просто не смогла остановиться, сама не знаю почему. Полная бессмыслица! Я, Сара Макмиллан, преподаю английский язык в старших классах школы и никогда не лезу в чужую личную жизнь. К тому же подобные темы совсем меня не интересуют. По дороге к двери пытаюсь это себе доказать, однако красноречивое жжение в животе говорит об ином.

Прежде чем открыть замок, на миг останавливаюсь и прижимаю ладони к щекам: лицо пылает. Может быть, неизвестный посетитель, не дождавшись меня, уйдет? Даю себе слово, что больше ни при каких обстоятельствах не вернусь к дневнику, хотя в глубине души понимаю, что искушение слишком велико. О Господи! Точно так же, должно быть, чувствовала себя Элла, описывая на этих страницах недавно пережитое событие. Рассказ получился до того искренним и ярким, что кажется, будто это я сама трепещу в предвкушении новых острых ощущений. Что и говорить, женщине двадцати восьми лет от роду не пристало так долго жить без секса. Но хуже всего то, что я самовольно вторглась в личное пространство дорогого мне человека.

Настойчивый стук повторяется. Судя по всему, незваный гость добровольно не сдастся. Собираюсь с духом и одергиваю легкое голубое платье, которое так и не сняла, вернувшись с последнего в летнем семестре урока английского языка в десятом классе. Глубоко вздыхаю и открываю дверь. Прохладный ночной воздух (а у нас в Сан-Франциско ночи не балуют теплом круглый год) дразнит распущенные по плечам длинные темные волосы. К счастью,

он же немного освежает горящую кожу. Что со мной происходит? Разве мог так подействовать чужой дневник?

Не дожидаясь приглашения, Элла пронесется в комнату стремительным вихрем ванильного аромата и необузданных рыжих локонов.

– Вот он! – с облегчением выдыхает она и хватает с кофейного столика дневник. – Вспомнила, что забыла его здесь вчера вечером.

Закрываю дверь. Щеки снова горят от мысли, что знаю об интимной жизни Эллы гораздо больше, чем следует. Все еще не могу понять, что же заставило открыть дневник, что толкнуло начать читать... и не остановиться на первой же строчке. И почему даже сейчас хочется узнать, что было дальше.

– А я и не заметила. – Бессовестно вру и сразу раскаиваюсь. Терпеть не могу ложь. Встречала в жизни немало лгунов и отлично знаю, насколько они опасны. Но в эту минуту слова соскальзывают с губ с омерзительной легкостью. В конце концов, это всего лишь Элла: за последний год едва знакомая соседка успела превратиться в лучшую подругу, в младшую сестру, которой у меня никогда не было. Мы с ней – словно бы семья; ведь ни одна из нас не желает поддерживать близкие отношения с родственниками.

Неуклюже и сбивчиво пытаюсь что-то объяснить; должно быть, действуют взвинченные нервы и чувство вины.

– Было много занятий, да еще и куча бумажной работы накопилась перед каникулами. Хорошо, что в этом году тебе удалось от всего этого избавиться, хотя некоторые ребята просто великолепны. – Крепко сжимаю губы и говорю себе, что пора замолчать, однако продолжаю возбужденно болтать. – Вернулась несколько минут назад.

– К счастью, теперь ты свободна. – Элла показывает дневник. – Я принесла это вчера вечером, когда мы собирались вместе посмотреть фильм. Хотела кое-что тебе почитать. Но позвонил Дэвид, а дальше ты и сама все знаешь. – Уголки губ виновато опускаются. – Бросила тебя, как подлая предательница.

Дэвид – это ее новый парень, о-о-очень состоятельный врач. Наверняка получил от Эллы все, что хотел. Теперь-то я отлично знаю, что это так и есть. Смотрю на нее внимательно: по-юношески чистая кожа, потертые джинсы, сиреневая футболка. Словно не двадцатипятилетняя учительница, а одна из моих учениц-старшекласниц.

– Ничего страшного, все равно вчера я так устала, что уснула бы перед экраном, – успокаиваю я, хотя одержимость Эллы человеком на десять лет старше тревожит не на шутку. – Легла спать пораньше, ведь с утра снова на занятия.

– Ну, теперь-то семестр закончился, так что можно вздохнуть свободно. – Элла нежно проводит ладонью по тетради. – Безумно рада, что дневник нашелся. Вечером снова свидание с Дэвидом. – Она многозначительно поднимает бровь. – Прелюдия. Ему наверняка понравится – горячее некуда.

От изумления едва не теряю дар речи.

– Неужели ты показываешь ему свой дневник? – У меня в жизни не хватило бы смелости читать мужчине признания настолько откровенные и подробные, да еще и не о нем. – И считаешь это прелюдией?

Элла хмурится.

– Это не мой дневник. Забыла? Вчера вечером я тебе рассказывала. Нашла его в контейнере, который купила на аукционе в начале лета.

– О, – отзываюсь я, хотя и не помню, чтобы Элла говорила о чем-то подобном: никогда не пропускаю ее новости мимо ушей. – Понятно. Приобрела чужие вещи на одном из тех аукционов, на которые исправно ходишь с тех пор, как помешалась на сериале «Хватай не глядя». До сих пор не могу поверить, что люди годами копят барахло, а потом складывают его в огромный ящик и продают тому, кто назначит высшую цену.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но на самом деле так оно и есть. – Элла пожимает плечами. – А на сериале я вовсе не помешалась.

Теперь уже я многозначительно вскидываю брови.

– Ну хорошо, может быть, ты права и я действительно слегка помешалась, – уступает она, – но зато получу благодаря этому в два раза больше, чем заработала бы на летних уроках. Подумай хорошенько: может быть, пойдешь со мной на следующий аукцион? Два из трех лотов мне уже удалось перепродать за большие деньги. – Она показывает тетрадь. – Вот это оказалось в последнем контейнере, самом интересном. Всего я нашла четыре дневника – абсолютно шокирующих. Один начала читать, три пока ждут своей очереди. Читаю запоем, невозможно оторваться. Эта девчонка начинала, как все мы, а потом темная страсть постепенно ее затянула. Потрясающе! А еще там есть картина, которая наверняка стоит недешево.

Элла права. Вспоминаю только что прочитанные строки и вновь ощущаю опасное жжение в животе. Кажется, еще немного, и я услышу хрипловатый искушающий голос незнакомки, которая нашептывает свою волнующую историю. Пытаюсь сосредоточиться на словах подруги, однако вместо этого думаю о таинственной героине. Кто она? Где она сейчас?

– Ах, Господи! – восклицает Элла. – Ты покраснела! Признайся, читала дневник?

Я каменею.

– Что? Я... – Неожиданно слова пропадают. Сама не своя, беспомощно опускаюсь в кресло напротив Эллы. Недавняя лож оказывается западней. – Я... да. Читала.

Словно заправский психоаналитик, Элла слегка прищуривается и пронзительно смотрит своими зелеными глазами.

– И разумеется, подумала, что все это написала я?

Молчу, потому что не знаю, что сказать.

– Ну...

– Ха! – восклицает она, явно принимая мой ответ – точнее, отсутствие ответа – за подтверждение. – Еще как подумала... – Она качает головой. – Нет слов. Наверное, до самых откровенных сцен не добралась, иначе ни за что бы не поверила, что я способна на такие подвиги. Но раз так краснеешь, значит, добралась.

– Прочитала некоторые достаточно смелые подробности.

Элла презрительно фыркает.

– И решила, что это мои признания? – Она снова качает головой. – А я-то полагала, что ты меня понимаешь. Черт возьми, а ведь жутко хочется хотя бы на одну жаркую ночь оказаться на ее месте! Жизнь этой женщины наполнена такой таинственной эротикой... – Она вздрагивает. – Почти мистической. Пугает, но завораживает.

Внезапно, непонятно почему, становится немного легче: оказывается, рассказ околдовал не только меня. Но зачем же искать оправдание собственным переживаниям? Желание снять с себя мнимую вину необъяснимо и настолько же нелогично, насколько нелогична моя реакция на безудержную откровенность незнакомки.

– Когда мы с Дэвидом дочитаем до конца, – продолжает Элла, заставляя вернуться к разговору, – он отсканирует несколько интимных страниц для потенциальных покупателей и выставит дневники на аукционе «eBay». Не сомневайся, уйдут за круглую сумму, это уж точно.

Идея приводит меня в ужас.

– Неужели ты всерьез намерена продать чужой дневник?

– А что в этом плохого? – искренне удивляется Элла. – Главное – делать деньги. К тому же скорее всего это вымысел. Игра фантазии. Художественная литература.

Холодное равнодушие ответа удивляет. Нет, это совсем не та Элла, которую я хорошо знаю.

– Но подумай: речь идет о сокровенных переживаниях! Нельзя наживаться на боли этой женщины.

Она хмурится.

– Какая боль? Не вижу ничего, кроме удовольствия.

– Она потеряла на этом аукционе все, что имела. И это удовольствие?

– Полагаю, богатый любитель острых ощущений отправил подружку в какое-нибудь экзотическое местечко, где она живет себе припеваючи. – В голосе появляются грустные нотки. – Мне придется так поступить, Сара. Пожалуйста, не упрекай меня. Нужны деньги, а если это не сделаю я, все равно появится какой-нибудь другой покупатель.

Открываю рот, чтобы возразить, однако не произношу ни слова. Элла одинока в этом мире, если не считать близким родственником отца-алкоголика, который с трудом вспоминает собственное имя, не то что имя дочери. Понимаю ее стремление всегда иметь деньги... так, на всякий случай, на черный день. Больше того, сама не раз испытывала это чувство. Дело в том, что я тоже одна на свете. Абсолютно и неисправимо одинока... но сейчас не хочется об этом думать.

– Все, пока. Надо бежать. – Элла со смехом машет рукой. – Желаю приятно провести вечер. Я-то точно знаю, что не соскучусь!

Забираюсь в кресло с ногами и смотрю, как за ней закрывается дверь.

И снова бесцеремонный стук прерывает блаженство отдыха и повергает в панику. Сонная и растерянная, сажусь в постели и смотрю на часы. Семь утра – а ведь сегодня первый день каникул!

– Кого, черт возьми, принесло в такую рань? – бормочу сердито, вылезая из-под одеяла и сую ноги в пушистые розовые шлепанцы – подарок на Рождество от одной из учениц. Хватаю длинный розовый халат – не пушистый, но зато с надписью «розовый» на спине: наверное, в помощь тем, кто не различает цвета. Стук повторяется еще громче.

– Сара, открой! Это я, Элла! – раздается знакомый голос. – Вставай скорее!

Сердце трепещет не только от того, что Элла явно взбуродоражена, но и от того, что в отличие от меня не бережет каждую секунду и без острой необходимости никогда не встает раньше полудня. Как только дверь открывается, она бросается мне на шею и объявляет:

– Я уезжаю!

– Уезжаешь? – переспрашиваю растерянно и втаскиваю подругу в прихожую, подальше от прохлады раннего утра. Одетая она так же, как и вчера вечером. – Но куда, почему? Что случилось?

– Дэвид сделал предложение! – восторженно восклицает Элла. – До сих пор поверить не могу! И сегодня утром мы с ним уезжаем в Париж. – Смотрит на часы и пронзительно вскрикивает: – Через два часа!

Что-то торопливо сует мне в руку.

– Здесь ключи от моей квартиры. На кухонном столе найдешь дневник и ключ от контейнера. Если не освободить его через две недели, придется платить за аренду или снова выставлять на аукцион. Так что разбери и продай содержимое. Деньги оставь себе. А если хочешь, просто все выкинь. Теперь это уже не имеет значения. Я мчусь в Париж, а потом на крыльях любви лечу в Италию, чтобы провести там медовый месяц!

Внезапно меня охватывает тревога. Не хочу, чтобы Элла страдала: она еще ни разу не призналась, что любит Дэвида.

– Но, дорогая, ты знакома с этим человеком всего три месяца. А я видела его лишь однажды. – Всякий раз, стоило нам запланировать общую встречу, почтенный доктор ускользал под каким-нибудь благовидным предлогом.

– Я люблю его, Сара, – произносит она, словно читая мои мысли. – И он очень добр ко мне. Тебе это известно.

Нет, это мне как раз неизвестно, но пока я пытаюсь найти подходящие слова, чтобы сказать об этом, подруга уже поворачивается к двери.

– Элла...

– Позвоню, как только прилечу в Париж, так что держи сотовый при себе.

– Подожди! – Крепко сжимаю ее руку. – Сколько я тебя не увижу?

Зеленые глаза вспыхивают радостным предвкушением.

– Месяц. Представляешь? Целый месяц в Италии! Можно только мечтать! – Она торопливо обнимает и целует в щеку. – Занятия начнутся только в октябре – спасибо удлиненным учебным дням! – так что впереди как раз месяц! Невероятно! Больше никогда не буду жаловаться на слишком плотное расписание. Месяц в Италии! Фантастика! Обязательно тебе позвоню, а когда мы вернемся, сразу устроим торжественный прием.

Изумрудные глаза слегка увлажняются.

– Ты же знаешь, как мне хочется, чтобы ты была рядом. Но Дэвид понимает, что у меня нет семьи, и потому хочет увезти, чтобы я не страдала от этого. – Она прикасается к складке между бровями, которая всегда появляется на моем лбу, когда хмурюсь. – Прекрати морщиться, а то состаришься раньше времени. Не беспокойся, все будет хорошо. Просто отлично!

– Хотелось бы, – замечаю я, пытаюсь призвать на помощь тренированный учительский голос, однако горло перехватывает, и слова получаются скрипуче-неуклюжими. – Позвони сразу, как только прилетишь в Париж. А еще пришли фотографии. Много фотографий.

Элла лучезарно улыбается:

– Да, мисс Макмиллан. – Она поворачивается и убегает, коротко взмахнув рукой на прощание. Остаюсь в полном одиночестве и безуспешно пытаюсь подавить неожиданные, непонятные слезы.

Конечно, я радуюсь за Эллу, но одновременно и тревожусь. Чувствую себя... сама не знаю, как я себя чувствую. Наверное, потерянной. Пальцы машинально сжимают ключи, и неожиданно я понимаю, что получила в наследство целый контейнер чужих вещей и дневники – те самые, которые поклялась больше никогда не читать.

Глава 2

«А потом наступил момент, который даже вспомнить страшно. К губам прикоснулось ледяное лезвие. И он пообещал, что боль принесет наслаждение...»

Строчки из дневника всплывают в памяти ближе к вечеру, в день неожиданного отъезда Эллы. Повторяются в сознании, кружатся бесконечно и упрямо, пока не порождают ужас. Из-за них я и оказалась здесь, в снабженном системой климат-контроля контейнере размером с небольшой гараж. Должно быть, автора дневника заставили арендовать его крайне серьезные обстоятельства. Уже смеркается, но район, где расположено хранилище, считается спокойным. Стою неподвижно и не знаю, с чего начать. Копаться в чужих вещах нелегко.

«И он пообещал, что боль принесет наслаждение...»

Незванные слова снова звучат в сознании. Вздрагиваю – но не от того, что дневник откровенно возбуждает. Строго-настрога запрещаю себе возбуждаться от рассказа о принуждении, болезненном наслаждении и шелковых путах. Скорее я беспокоюсь за эту таинственную женщину. Мой отец всегда умел подчинить своей воле и меня, и маму. Мама нашла убежище в смерти, а я после этого постаралась навсегда убрать отца из своей жизни. И все же, несмотря на пять лет свободы, ощущение зависимости от его непреклонного характера все еще слишком явственно присутствует в памяти.

Воспоминания эти мучительны, и я сама не понимаю, почему и зачем мысли упорно сворачивают в ту сторону, куда даже смотреть не хочется. Вот почему я категорически против насилия. Заставляю себя сосредоточиться на аккуратно сложенной мебели, на ящиках вдоль стен и еще на чем-то, напоминающем старательно упакованную картину. Кто и зачем это сделал? Кто бросил вещи, о которых заботился настолько, что не поленился все бережно завернуть, прикрыть, поставить на место? Нет, не верю, что какой-то богатый поклонник увез мою незнакомую подругу в далекие счастливые края. Вот так все сложить и продать мог только тот, кто познал серьезные неприятности, а может быть, и трагедию. Не собираюсь распродавать эти вещи. Вещи этой женщины, тут же поправляю себя. Зовут ее Ребекка Мэйсон. Так написано в документах. Сотрудники хранилища уверяют, что телефон ее дать не могут. «К тому же он все равно отключен».

– Непременно тебя найду и верну вещи, – шепчу в пространство, как будто разговариваю с самой хозяйкой, и по спине струится холодок. Начинает казаться, что она здесь, что я действительно обращаюсь к ней... ощущение жутковатое, но решение разыскать незнакомку от этого только крепнет.

Понимаю, что означает данная клятва, и тяжело вздыхаю. Придется вторгнуться в чужое пространство и изрядно покопаться в вещах – только так можно найти способ связаться с Ребеккой и вернуть то, что осталось от ее имущества. Конечно, если она еще жива, уточню я угрюмо про себя и обхватываю руками плечи, словно сильно озябла.

– Перестань, – бормочу укоризненно. В обычной жизни мрачные настроения мне несвойственны, я даже не люблю смотреть фильмы ужасов. В мире и без того достаточно монстров, вполне реальных; к чему создавать вымышленных?

Элла права: у Ребекки вполне мог появиться благополучный, счастливый повод спрятать прошлую жизнь в чулан. Например, крупный выигрыш в лото. Почему бы и нет? Внезапно с неба сваливается куча денег, и старые вещи сразу оказываются лишними. Конечно, сюжет маловероятный, но все же возможный. Но если так, то почему предположение нисколько не снимает повисшего в воздухе зловещего напряжения?

Чтобы поскорее покончить с угнетающей миссией, бросаю сумку на пол и внимательно оглядываюсь, пока не замечаю в углу ящик с аккуратной надписью: «Личные бумаги». Если где-то и удастся обнаружить контактную информацию, то только здесь.

Два часа спустя все еще сижу, прислонившись спиной к стене, и листаю абсолютно не касающиеся меня документы. Просматриваю школьные табели и бесконечные счета. Читаю юридические бумаги, связанные с крохотным наследством, оставшимся от умершей три года назад матери. Думаю о своей маме. Она из последних сил старалась уберечь меня от отца, а ради собственной защиты так ничего и не сделала. Закрываю глаза и пытаюсь понять, уйдет ли когда-нибудь боль потери или останется в душе навсегда. Мама всегда была для меня самой верной подругой, самой надежной и справедливой советчицей. Интересно, Ребекка была так же близка со своей мамой? Так же страдала после ее смерти, как страдаю я?

Заставляю себя снова сосредоточиться на бумагах и понимаю, что найти адреса или телефоны каких-нибудь родственников, чтобы связаться с Ребеккой, не удастся. К счастью, на письмах и стопках банковских счетов указан ее адрес, хотя трудно сказать, насколько он точен.

Понимаю, что ничуть не продвинулась в поисках, запикиваю бумаги обратно в ящик и с трудом встаю. Спина затекла, ноги разгибаются с трудом. Похоже, от регулярных утренних пробежек толку мало.

– Посмотрите в комод, – раздается за спиной мужской голос.

Вздрагиваю от неожиданности, оборачиваюсь и вижу в дверях человека в форменной рубашке. Нервы натягиваются до предела. Передо мной красивый мужчина лет тридцати пяти – светловолосый, гладко выбритый, с короткой стрижкой. Однако мрачный интерес в его глубоко посаженных глазах заставляет насторожиться. И без того небольшая комната сжимается и давит со всех сторон; зловещее предчувствие, от которого так и не удалось избавиться, материализуется, давит на плечи, мешает дышать.

– В комод? – с трудом переспрашиваю я, преодолевая сухость в горле.

– У каждого человека непременно есть потайной ящик, – говорит он негромко и еще тише добавляет: – Место почти такое же укромное, как душа.

Каменею, не в силах справиться с новой волной страха. Этот человек явно уже бывал здесь, копался в вещах Ребекки. Он даже знает, что хранится в секретном ящике! Станный незнакомец очень мне не нравится, и внезапно в голову приходит мысль, что здесь мы с ним одни: до шоссе несколько миль, а других посетителей не видно и не слышно.

– Чужие секреты совершенно меня не интересуют, – отвечаю твердым голосом, что очень странно, учитывая, что колени отчаянно трясутся. – Всего лишь хочу разыскать хозяйку контейнера, чтобы вернуть вещи.

Мужчина неотрывно смотрит на меня долгим пристальным взглядом, и от этого делается еще страшнее. Наконец, когда молчание становится нестерпимым, произносит:

– Я уже сказал: посмотрите в ящике. – На его губах мелькает тень иронической улыбки. – В девять вернусь, чтобы закрыть центральный вход. Вряд ли вам захочется остаться здесь на ночь. – Не произнеся больше ни слова, он уходит.

Стою неподвижно, не в силах шевельнуться. Хочу захлопнуть дверь, но боюсь: мысль о том, что замок запирается снаружи, приводит в ужас. Секунда за секундой слушаю, как удаляются мерные, уверенные шаги. Тише. Да. Еще тише. Надо как можно быстрее отсюда смыться! Бросаюсь к комоду из красного дерева и судорожно дергаю правый верхний ящик. Сердце застревает в горле и мешает дышать; так и сознание потерять недолго. Останавливаюсь. Не переставая трястись от непонятного страха, заставляю себя вдохнуть и медленно выдохнуть. Считаю до тридцати и только после этого вновь обретаю способность дышать. Я в порядке. И все вокруг тоже в порядке. Выдвигаю левый ящик, и только что обретен-

ное дыхание снова сбивается: передо мной черная бархатная шкатулка с замком, размером двенадцать на восемь, красный шелковый шарф и три толстые тетради в красной кожаной обложке.

Зубы до боли впиваются в нижнюю губу. Оборачиваюсь, опасливо смотрю в коридор и снова смотрю на ящик. Любопытство почти побеждает страх, однако остается опасение, что таинственный незнакомец вернется.

Заглядываю в дальний угол тайника в поисках ключа к шкатулке и убеждаю себя, что именно в ней могут храниться нужные мне сведения и что действую я совсем не из праздного интереса. Открываю один дневник за другим, встряхиваю. Может быть, вывалится ключ? Из одного выпадает брошюра. Начинаю запихивать ее обратно и в процессе обнаруживаю еще несколько.

Беру одну из них и читаю: «Художественная галерея «Алльюр», Сан-Франциско». Все остальные брошюры посвящены тому же. Среди множества галерей Сан-Франциско «Алльюр» – самая большая и престижная. Вспоминаю слова Эллы о том, что в контейнере есть картина. Кажется, несмотря на несопоставимый сексуальный опыт, нас с Ребеккой объединяет увлечение изобразительным искусством. В живописи я люблю все, начиная с древней истории и заканчивая современным творческим процессом. Были времена, когда ради возможности работать в мире грез была готова отдать на отсечение правую руку. Об этом я мечтала, ради этого пошла учиться в колледж. Однако мечту пришлось оставить много лет назад, когда реальная жизнь с бесконечными счетами и необходимостью иметь надежный заработок вышла на первый план.

Откуда-то снаружи доносится грохот, и от неожиданности я едва не роняю буклет на пол. Прижимаю руку к груди, чтобы унять взбесившееся сердце. Гром. Это грохочет гром. Начинается гроза. Новый раскат отдается гулким эхом, как будто я в пещере; можно подумывать, сама природа предостерегает и советует поспешить. О небо! Понимаю, что воображение разыгралось не в меру, однако игнорировать предчувствие надвигающейся опасности выше моих сил.

Хватаю свою сумку и все три дневника, оправдывая нескромность тем, что только в них можно узнать, где искать Ребекку. Хочу выйти из комнаты, однако в последний момент бегу к комоду и беру шкатулку. Трясущимися руками пытаюсь удержать трофеи и одновременно открыть замок.

Быстро шагаю по узкому, тускло освещенному коридору между рядами точно таких же запертых кладовок, как та, из которой только что в панике выскочила. Чувствую себя Алисой в Стране чудес на краю кроличьей норы. Миную оранжевую дверь, в точности похожую на гаражную, и оказываюсь на неосвещенной стоянке. Сейчас, перед грозой, пустое пространство кажется еще темнее. Как быстро пронеслось время! А я даже не заметила!

Бесшумно бегу к своему серебристому «форду-фокусу» (спасибо голубым кроссовкам «Найк»). Ключи от машины все еще в сумке – непонятно, почему до сих пор не вытащила. Кладу вещи на капот, чтобы их достать, и роняю один из дневников. Наклоняюсь, чтобы поднять, и роняю другой.

– Черт, – тихо бормочу я и приседаю, чтобы поднять, однако, несмотря на начавшийся дождь, вставать не спешу. Боковым зрением ловлю тень возле открытой двери гаража. Вглядываюсь, но никого не вижу. В ужасе поднимаюсь. Быстрее в машину, быстрее! Почему я до сих пор не в салоне?

Трясущимися руками добываю из сумки ключи, проклиная странную паранойю, от которой никак не могу избавиться. Дергаю дверь машины, бросаю сумку внутрь и, не выпуская из рук шкатулку и дневники, неуклюже плюхаюсь на водительское место. Быстро закрыть дверь не удастся. Наконец щелчок сообщает, что убежище надежно запечатано. Одним движением кидаю вещи Ребекки на заднее сиденье.

Собираюсь завести мотор, однако что-то заставляет меня взглянуть на здание, из которого я только что вышла. Дыхание сбивается. В тени, под небольшим навесом, упершись ногой в стену, стоит тот самый человек, который несколько минут назад приходил в контейнер, и неотрывно за мной наблюдает.

Включаю мотор и мысленно благодарю судьбу, когда он послушно начинает ворчать. Быстрее, быстрее прочь отсюда!

Когда я оказалась на полпути к дому, гроза обрушила на город безжалостный ливень, озаряя все вокруг вспышками молний. Стоит ли удивляться, что, несмотря на вечер пятницы, на стоянке свободен только самый дальний ряд? Радуюсь, что неизменные стопки ученических тетрадей побудили купить сумку размером с небольшой чемодан, и запикиваю в бездонные недра дневники и шкатулку. Под проливным дождем добегаю до квартиры, сразу включаю свет, поспешно захлопываю и запираю дверь.

Возможно, тайна Ребекки Мэйсон излишне распалила мою и без того богатую фантазию, но чувствую я себя так, будто спасаюсь от преследования. От воспоминания об излишне внимательном незнакомце становится не по себе и – признаюсь честно – пробирает дрожь. К тому же я промокла до нитки, а несмотря на август, вечер совсем не жаркий. Всего-то двадцать семь градусов по Цельсию.

Возле ног мгновенно образуется лужа. Торопливо достаю из сумки трофеи и кладу подальше – туда, где сухо. Здесь же, в прихожей, сбрасываю мокрую одежду. Бежевый ковер ужасно маркий, однако, снимая квартиру, придирчиво выбирать интерьер не приходится. Направляюсь в ванную, но останавливаюсь и возвращаюсь за сотовым телефоном. С ним спокойнее, но для уверенности говорю себе, что собираюсь позвонить Элле. Наливаю в ванну горячую воду и одновременно набираю номер подруги. Хочу спросить, не знает ли она, где найти Ребекку Мэйсон, а заодно удостовериться, что у нее все отлично. Телефон оказывается вне зоны действия сети. Наверное, Элла еще в самолете, но я все равно тревожусь. Волнение парализует и сводит с ума.

Через сорок пять минут выхожу из ванной – чистая, согретая, одетая в розовые шорты и такую же майку, с мягкими сухими волосами, благоухающими моим любимым розовым шампунем, – и ругаю себя за малодушие и глупые страхи. Направляюсь напрямик к холодильнику, чтобы достать самое надежное средство против неприятностей – мороженое «Бен и Джерри», сливочное.

Взгляд падает на вещи Ребекки; они все еще лежат возле двери рядом с моей мокрой одеждой. Надо было остаться в хранилище и выяснить ее адрес. А теперь придется искать необходимые сведения между страницами дневников. Или в шкатулке... которую не могу открыть. Даже не знаю, зачем вообще ее взяла.

Через несколько минут сижу на диване рядом с добрыми друзьями Беном и Джерри, со стопкой дневников на коленях. Шкатулка ожидает своей очереди на кофейном столике, а я спрашиваю себя, как бы ее отпереть, не повредив.

Так и не найдя ответа, открываю верхнюю тетрадь. Изящным женским почерком написан год: 2011. Ни месяца, ни числа. Интересно, эта тетрадь заполнена раньше или позже той, которую вчера забыла у меня Элла?

Листаю страницы, пытаюсь найти упоминание о работе, а попутно узнаю подробности жизни Ребекки. «Ночь была жаркой, и тело мое томилось от жажды». Вздыхаю и переворачиваю страницу – нет, здесь речь идет о вещах куда более интимных, чем место работы. Эта женщина изъясняется цветистым, экзотическим слогом. Кто способен так писать? «Моя жизнь изменилась в тот день, когда я вошла в художественную галерею». Отлично. Вот это обстоятельство полезно запомнить. Именно в галерее и нужно искать Ребекку. Но что она

там делала – работала или покупала картины? А может быть, она сама художник и выстав- ляла там свои работы?

Пытаясь найти ответ, продолжаю читать. «Я изменилась. Этот мир сделал меня дру- гой. Он говорит, что просто помог открыть себя настоящую. Даже не знаю, какая я теперь настоящая».

– Кто же он? – шепотом спрашиваю у дневника.

«Те места, которые я теперь посещаю – и эмоционально, и физически, – темны и опасны. Я это знаю и все же послушно иду туда, куда он ведет... куда они ведут».

Змурюсь, вспоминая запись, которую прочитала вчера вечером: когда Ребекка лежала с завязанными глазами и спутанными руками, в комнату кто-то вошел.

«Разве страх способен возбуждать? Разве может ужас рождать желание и воспламе- нять? И все же я вождедею, горю и осмеливаюсь совершать то, чего прежде даже пред- ставить не могла. Это и есть настоящая я? Мысль пугает до глубины души. Нет, это не я. Я совсем не такая. Но еще сильнее опасения не узнать саму себя оказывается боязнь перестать быть такой, как сейчас. Вернуться в прошлое. Снова превратиться в примерную девочку с унылой жизнью и с девяти до пяти переключать бумажки с левого края стола на правый. Не испытывать ни счастья, ни удовлетворения. Теперь я по крайней мере что- то чувствую. Поток страха несравнимо ближе к жизни, чем болото скуки. Постоянная неиз- вестность ярче сознания, что каждый следующий день будет похож на предыдущий. Ничего не ждать, ничего не чувствовать. Нет, не могу и не хочу думать о прошлом. Так почему же с таким зловещим предчувствием я смотрю вперед?»

Бликий раскат грома мгновенно возвращает меня к действительности. Смотрю в окно, где дождь безжалостно барабанит по стеклу, но чужой мир держит цепко и не отпускает, а потому лишь рассеянно заползаю поглубже в дальний угол дивана. Чувствую, что рази- тельно отличаюсь от Ребекки, и все-таки ощущаю странную связь с ее мыслями и словами. Люблю детей, которых учу, поэтому настойчиво и упорно побуждаю их идти за своей меч- той – а в то же время вижу, что сама не нашла сил это сделать. Понимаю, что все обращенные к подросткам красивые слова лицемерны. Знаю, что значит прожить день за днем, ни на шаг не приближаясь к цели. Работа в мире искусства появляется так редко и приносит так мало денег, что невозможно назвать мою страсть работой.

С губ слетает грустный вздох сожаления, а взгляд возвращается к странице. Оконча- тельно тону в чужом мире, который не может стать моим, но каким-то удивительным обра- зом все-таки оказывается близким.

Три часа спустя ливень успокаивается и превращается в мелкий заунывный дождичек, а я давно не нежусь на диване с мороженым в руках. За это время успела проглотить все три дневника; из эротического и захватывающе интересного чтение превращается в безжалост- ное и пугающее. Теперь уже сижу прямо и мелко дрожу над последней записью.

«Хочу на свободу. То, что переживаю сейчас, вовсе не острое, пикантное удовольствие. И не смелое приключение. Но он не отпускает, не позволяет уйти. А я не знаю, как от него избавиться. Вчера он был на показе, наблюдал за мной, преследовал. Хотелось убежать, спрятаться. Но я этого не делала. Не смогла. В результате получилось, что спустя минуту после беседы с клиентом отдалась ему в темном углу. Как только все кончилось, он погла- дил меня по волосам и назначил встречу позже, в этот же вечер. Сразу после его ухода я бросилась в другую комнату, чтобы вытащить из видеокамеры CD-диск и не позволить ему завладеть файлом, а следовательно, и мной тоже. Но диска уже не было. Он меня опередил – забрал улики раньше, чем я пришла в себя. А теперь...»

Все, на этом дневник обрывается. Никакого продолжения. Как будто Ребекку внезапно прервали и вернуться к записям она уже не смогла. Смотрю на пустую страницу и слышу, как гулко стучит сердце. И все-таки что было заполнено раньше: эти тетради или та, которую